

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА
«СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

ВАЛЕНТИН СОЛОМАТОВ

ПО СЛЕПЯЩИМ СЛЕДАМ ВЕКА

Стихотворения и песни

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2014

Соломатов В. В.

По слепящим следам века. Стихотворения и песни.
М.: Вест-Консалтинг, 2014. – 44 с.

ISBN 5-86676-062-2

серия “ПАМЯТИ УШЕДШИХ БАРДОВ”

Валентин Валентинович Соломатов родился в Москве 22 февраля 1964 года. Окончил Московский энергетический институт по специальности “Электрооборудование ракет и летательных аппаратов” (1988). Работал инженером-конструктором и автомехаником, геодезистом и звукорежиссёром, журналистом и каскадером...

Стихи и песни писал с первого курса института. Участник фестивалей авторской песни во многих городах Советского Союза и России, член жюри фестивалей в Старом Осколе, Мурманске, Архангельске. Организатор Московского бард-клуба (ныне Клуб Валентина Соломатова).

Публиковался в газете “Мен”, поэтических сборниках “Своим путём” № 16 (1997) и № 25 (2002), литературных альманахах “Триангуляция Парнаса” (1999) и “Точная наука – поэзия” (2004). Выпустил два диска своих песен: “Я рисую кораблик” и “Баллада об одуванчиках”.

Погиб в автокатастрофе 1 сентября 2006 года.

Посмертно вышла книга стихов, песен, набросков и статей “Голый текст” (М., изд-во Современного гуманитарного университета, 2007).

В оформлении обложки использованы фотографии сайта www.ArmsOfWar.ru (1-я стр.) и А. Славина (4-я стр.)

- © Соломатов В. В. (наследники), 2014
- © Виноградова Т. Е., предисловие, 2014
- © Славин А. Л., фотография, 2006, 2014
- © Союз литераторов России, идея издания, 2014
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2014

«РОССИЯ НАС ВСЕХ ПОВЯЗАЛА»

Перед вами первая книга серии «Памяти ушедших бардов». В 2014 году Валентину Соломатову, яркому и харизматичному поэту, работавшему в жанре авторской песни, исполнилось бы 50. Его стихи продолжают идти «по спящим следам века» – в поисках истины, в поисках ответов на последние, проклятые, вечные русские вопросы.

*Завтра снова Россия
Кровью губы мои оросит.
Обрываю басы я
На взмокшей от крика гитаре –
Видно, так было надо,
Чтоб родился я здесь, на Руси,
Где последних парадов
На каждого, в общем, хватает.*

Тексты Соломатова поражают цельностью и страстностью, напряжённым нервом, стремлением лирического героя жить «на грани», на самом острие, и не просто жить, а идти с открытым забралом навстречу всем ветрам времени. Поэт не боится говорить о самом страшном, тяжком, наболевшем:

*Я рисую кораблик на гранёном стакане,
По росистой поверхности пальцем скользю...
Я оставил глаза свои в Афганистане,
Я рисую теперь то, что видеть нельзя...*

Это очень мужественная, по-настоящему мужская поэзия, балансирующая порой между притчей и публицистикой. Автор – плоть от плоти своего века, точнее, рубежа веков и даже – рубежа тысячелетий, когда все проблемы времени явлены с особой остротой и неотвратимостью:

*Небеса – весёлые – затянули в креп.
Хватит человечины – нарубили впрок.
Если это – зрячие – я сегодня слеп!
Если это воля – лучше мне в острог.*

Именно поэтому столь важна датировка стихотворений, она встраивает текст в «историческую сетку»: написанное в 1986-м и в середине девяностых, в 1989-м и в начале нулевых отражает не просто различные социокультурные реальности, но несовместимые друг с другом миры. И эти миры (антимирь!) связаны лишь одним: вещей душою поэта. А душа эта болит от извечной русской тоски.

*Ангел плачет: бросай своё злое,
лихое наследство,
Что ты хочешь найти
в этой проклятой Богом стране?*

Это сейчас 1991-й и 1993-й уже стали далёкой историей и почти слились в некий аморфный, фарсовый образ «гражданской войнушки» – в сознании (не-знании!) тех, кто родился в дни ГКЧП или в дни расстрела парламента. В стихах же это время не просто живо – всё происходит «здесь и сейчас», на наших глазах. Вместе с эпохой проходит поэт тяжкий путь метаний и прозрений, взлётов и срывов, путь от романтики к разочарованию и – к новой надежде, к вере *после* веры.

*Мы построим дом на заре,
Тёмный лес начнём корчевать,
Да откроем мы лазарет,
Будем души мы врачевать.*

И, конечно, это ещё и путь к любви (пусть напололам с отчаянием!), к любви, которая, по Фромму, является единственным ответом на вопрос о смысле человеческого существования:

*Чтоб за спиною
крылья
выросли,
Чтобы темень
расцветилась красками.
Ты
одна
можешь это,
Тебе одной
ключи от меня!*

Такова настоящая поэзия: она соединяет в себе, казалось бы, несоединимое: мощную энергетику – и рефлексию, нежность, ранимость – и жёсткость, даже жестокость:

*Место на распятии всё ещё вакантно,
То ли ждёт художника, то ли – музыканта,
Вознесись, попробуй-ка: врыто без затей
Дерево дубовое на лобной высоте.
Врыто основательно, а не для блезиру:
Подходи, сознательный, залезай, позируй!
Вид, конечно, матерный – аж на небеса...
А на перекладину ты заберёшься сам?*

Поэт не щадит ни себя, ни читателя, вновь и вновь пытаюсь понять, что же происходит с нами, с нашей исторической памятью, с нашей Родиной, большой и малой (не случайны горькие строки, посвящённые уничтожаемой старой Москве)...

Любимым своим автором Соломатов называл Михаила Анчарова. Простота и энергичность стиха, яркая образность, «непафосный пафос», использование разговорной лексики сближают этих двух бардов. Но Соломатов явно тяготеет к синтезу и к эксперименту. В его поэтике чувствуется опора на Владимира Высоцкого и Александра Башлачева (а как же иначе – у барда, принадлежащего к поколению восьмидесятых!), но при этом явно прослеживается влияние Маяковского (не только в открытой политизированности текстов, но и в использовании «лесенки») и даже Велимира Хлебникова. В поздней лирике (странновато звучит по отношению к поэту, ушедшему в 42 года) звучат мотивы, заставляющие вспомнить Геннадия Шпаликова, а порой и Веничку Ерофеева... А хрестоматийные блоковские строки вплетаются, скорее, для подсветки новой, совсем иной, несимволистской реальности, где свои «улицы-фонари-аптеки», свои «двенадцать», – нашей с вами реальности, где «место на распятии всё ещё вакантно...».

Но в итоге Валентин Соломатов – вне влияний. У него свой голос, своё мировидение, своя, выстраданная жизненная позиция.

*Я вас всех ненавижу
И люблю. Всех. Вы слышите, люди?
Обжигаясь, глотаю
Ответную вашу любовь,
В шкуре дыры латаю
От пуль, прилетевших из зала...
Я поднялся на сцену,
Как на бруствер, и не прекословь –
Я плачу эту цену.
Россия нас всех повязала!*

Пусть эта тоненькая книга избранной лирики станет началом знакомства с большим русским поэтом.

Татьяна ВИНОГРАДОВА
кандидат филологических наук,
координатор секции поэзии Союза литераторов России,
член Союза писателей Москвы

* * *

Снег сегодня зачем-то чёрный,
Век сегодня уже двадцатый,
И вопрос этот наш спорный
Не решат ни декрет, ни солдаты.
От такой постановки вопроса
Дрогнул мир, и на миг – замер...
Ты сказал – умереть просто,
Я ответил, что смерть – экзамен.

Ты кричал: «За идею – можно!»
Я спросил: «А где та идея?»
Ты кричал, что смотреть тошно,
Я сказал – не смотри, будь умнее.
Закрываем глаза дружно –
Сразу всё хорошо стало,
И кому это знать нужно,
Что Россия от слов устала...

Эх, Россия! Откуда родом?
Не поймёшь, кто свой, кто проезжий,
А чужих больше с каждым годом,
Только внешний вид вроде прежний,
Правда, меньше шатает граждан
И без лозунгов день прожит –
Но по-прежнему снег загажен,
Да и небо, пожалуй, тоже.

Можно грязную снять рубаху
И старьё можно скинуть быстро,
Вшей и блох к ногтю и на плаху,
Только – будет ли тело чистым?
Надо б в баню, да так, чтоб до крови,
Чтоб при всех, не стесняясь, на площадь...
Эй, Россия, глаза закроем?
Говорят, так значительно проще...

1986

КОРАБЛИК

Я рисую кораблик на гранёном стакане,
По росистой поверхности пальцем скользя...
Я оставил глаза свои в Афганистане,
Я рисую теперь то, что видеть нельзя:
Проплывает кораблик гранёной дорогой,
Мачты горьким изломом отражая в вине...
Забери меня, маленький, только память – не трогай,
Я же помню тебя, я же был на войне!

Я же вижу тебя – я не слеп, я же вижу,
Как ты рвёшься ко мне, как ты хочешь помочь
И как тельце худое волны жадные лижут,
Опуская тебя в безнадёжную ночь...
Проступает сквозь дым лик печального бога –
Я забыл про него, я живьём был в аду,
Я теперь вижу небо – другие не могут,
Я теперь, умерев, на него попаду.

Ты, кораблик, не бойся, нас не вычислят пули,
Мы и в бурю не будем за борт сбрасывать груз.
Мы вернулись домой – нас России вернули –
Может, цинка хватился Советский Союз?
Мы навечно в бою, мы навечно – калеки...
Покажите мне тех, кто сюда нас послал!
Люди, я вас прошу – поднимите мне веки,
Я кровавой глазницей загляну им в глаза...

Я рисую кораблик –
Забери меня, маленький...

1989

БАЛЛАДА О ШТЫКЕ

Штык не имеет права голоса.
Он нем. Он сталь – без дураков.
Мы все – отточенные полосы
В рядах шагающих полков.

Мы движемся колонной плотною
К заре, блистающей вдали, –
Дан путь знамёнными полотнами
И небо нам благоволит.

Идём. Лишь хрустнет под подошвою
Земля, и кованый каблук,
На горло наступая прошлому,
Издаст скрипящий чёткий звук.

Идём! Лишь мерно сталь колыхается...
О, как прекрасен этот вид,
О, как легко в строю нам дышится,
Как немоты надёжен щит!

Наш лозунг стар, как древних колоссы –
Знай всяк, имеющий язык:
Штык не имеет права голоса,
Но он зато имеет штык!

1989

* * *

Я не прятал лица и не рвал на груди я рубях,
Только вижу теперь, что сказал до обидного мало...
Это чёрные травы прорастают на белых холстах,
Это ржавое солнце из зелёного омута встало.
Это строки стихов оборвались пунктиром скупым
Под свинцовыми взглядами идолов, в золото одетых,
Это новые песни, корчась в пламени, плавильсь в дым,
Выедая глаза синей правдой кровавых рассветов.

В наших серых домах занавешены все зеркала –
Нам бы только в своём отраженьи зрачков не увидеть...
Эта каряя пропасть мертва – всё забила зола,
И трава прорастает, ну да мы на неё не в обиде.
Кто-то снова колени в потаённых углах преклонит,
Смотрит в лики чужие, ожидая, наверное, чуда,
Но последний огонь догорает – вот-вот догорит –
И коричневый храм превратится в гнилую лачугу,
И багряная ночь на щеках уходящего дня
Проступает чахоточной кляксой сквозь свежесть листа...
Этот вечный огонь нам с тобою, как видно, родня,
Это чёрные травы прорастают на белых холстах.

1989

* * *

Гони коней!
Скорей!
На плаху!
Из праха
Вставший – ляжет в прах,
Надев дубовую рубаху –
Последнюю из всех рубах.
Из ничего – вернёмся в нечто
И возвратим земле долги,
Нас разнесёт немая речка
Среди степей или тайги.
Мы растворимся в поднебесье,
Войдя во всё, войдя во всех!
Вот смех...
А так хотелось – песню...
Но кони – вскачь, дорога – вверх!
Спины – не гнуть, держаться прямо!
Прощенья не с кого спросить!
...Ни грамма.
Я не пил ни грамма.
А дело было на Руси...

1989

* * *

По каменным плитам – шаги,
Эхо бросается в своды,
Грохочут шаги!
Это – шаги свободы.

Сорвался с креста Иисус,
И встал во главе идущих.
Шагает Иисус –
Камень, но – всемогущий.

Шагнули архангелы к нам,
Крылья содрав с извёстки:
К чертям этот храм,
Риз золотые обноски!

Шагаем к плечу плечо,
Давно мы жаждали встречи,
Свободу речём –
Сын Божий и сын человеческий.

Полночь – не время живых,
Время нечистой силы,
Но это же – мы...
Боже, ты их помилуй!

...Сереет и прячется мрак,
Петух опробовал голос,
Один только шаг...
    (Жаль,
        что мы его
  так и не прошли,
    Не успели...)
...Жизнь раскололась!

1990

* * *

Я долго шёл по слепающим следам века,
Горы вставали и снова падали в пыль,
Я умер раньше, чем начал быть человеком,
Я тот, кого ищут все, но люди слепы.

Моря заливали землю и высыхали,
Снега приходили и таяли, будто века.
Я шёл и видел, как звери вечность лакали,
Но кончилась вечность, а цель опять далека.

Менялось время – я тоже менялся, тоже,
Мой шаг потерял упругость, а плечи – стать,
Я жёстче стал, а может быть – только строже,
Я вижу дальше, но стал быстрее уставать.

Поле судеб открыто для тех, кто видит,
Люди смотрят, но видеть им – не дано.
Мне хотелось кричать: живите, творите, любите!
И я кричал... Но это было давно.

Я долго шёл по слепающим следам века,
Я видел кровь и слёзы – то там, то тут,
Я умер раньше, чем начал быть человеком,
Я – тот, кого ищут все, и никак не найдут.

1990

* * *

Я улыбку твою трогаю,
Я в ладони твои падаю,
Очень трудною дорогою
К тебе душу несущую мятую.
В небе синем звезда ранняя
Мне укажет, куда двигаться,
Непонятно, за что ранен я,
Что мне кажется, что – видится.

Пособите мне, все дьяволы –
Договор подпишу кровушкой!
Я стопчу сапоги яловы
Да пройду через всё полюшко,
Я на камушек да – с камушка,
Через речку – я здесь, рядышком...
Слово доброе есть – лапушка,
Слово древнее есть – ладушка.
Чудо будет ещё – светлое,
Время будет ещё – доброе,
Моя песня, тебе спетая,
Ранит душу мою до крови...
Твою рифму ко мне – строгою –
Я стиху своему сватаю...
Я улыбку твою трогаю,
Я в ладони твои падаю.

1990

* * *

Я сегодня не пью,
Я сегодня – не гость,
Я ушёл из эпохи нетрезвых ночей,
Я в ладонях топлю
Снега белого горсть,
Я сегодня – весна. Я сегодня ничей.

Предстоящие дни
Порастают быльём,
Приговор изменению не подлежит –
Мы сегодня одни.
Мы сегодня – вдвоём.
Я – и память. И нам предстоит ещё жить...

Полыхает беда –
Подыхают слова.
Не вернуться ни в завтра мне, ни во вчера.
Стих прожит без следа.
Завершилась глава.
Лишь на час постарел я, да память – черна.

Сразу набело жить?
Я пишу черновик –
С грязью, кляксами, сальными пятнами рук.
Весь мой путь – виражи.
Я давно к ним привык.
Где-нибудь разобьюсь – смерть красна на миру.

...Вот вам времени горсть.
Надо что-то решать!
Вот он – я, но ещё не сошедший с креста.
Я сегодня – не гость,
Я сегодня – душа...
Извините меня – я сегодня устал.

1990

* * *

...И когда стало ясно,
Что на слово – достаточно сил,
Что надежда – напрасна,
Но чай с папиросами – будет,
Я прошёл к микрофону
И душу свою огласил:
Я вас всех ненавижу
И люблю. Всех. Вы слышите, люди?

Обжигаясь, глотаю
Ответную вашу любовь,
В шкуре дыры латаю
От пуль, прилетевших из зала...
Я поднялся на сцену,
Как на бруствер, и не прекословь –
Я плачу эту цену.
Россия нас всех повязала!

Завтра снова Россия
Кровью губы мои оросит.
Обрываю басы я
На взмокшей от крика гитаре –

Видно, так было надо,
Чтоб родился я здесь, на Руси,
Где последних парадов
На каждого, в общем, хватает.

Не зовите меня
Ни в какие чужие раи,
Я судьбы не менял:
Здесь живу – здесь останусь навеки.
Я шагнул к микрофону
С гитарой, зато – без брони:
Я вас всех ненавижу!
Я люблю вас, люблю, человеки!

1990

* * *

Из бездонных зеркал
На меня
Надвигаются серые люди –
Офицеры, ЗК,
Работяги,
Не знавшие утренних снов...
Я их вновь извлекал
Из глубин
Непрожитых, изломанных судеб,
Я их вновь изрекал –
Горлом шла
Эта чёрная, жаркая русская кровь!

Это мёртвое время на нас
Давит серым, прогнившим распятием,
Это лёд в ноябре
Полыхает
Закатным, предсмертным огнём...
Дьявол руки нагрел –
Да удрал
Вместе с Богом, со старым приятелем,

Нам оставив запрет
Поминать
Даже имя своё.

Из бездонных зеркал
Извлекаю
Сожжённые, серые души
И немым языкам
Голос свой отдаю,
Возвращая возможность – запеть,
И заря далека,
И, наверное,
Вам их не хочется слушать...
Но я их изрекал –
Так внемлите!
Это чёрная, жаркая русская смерть!

Из бездонных зеркал...

1990

БАЛЛАДА О РОССИЙСКОЙ СМУТЕ

Мы распрощались с матерями,
Мы превратились в вороньё...
Крича молитвы, матеря ли –
Мы где-то правду потеряли.
Враньё, враньё, везде враньё!

Сломалось что-то в человеке,
Россия встала на дыбы
И – кровью набухают реки,
И стонут новые калеки!
Гробы, гробы... Везде гробы...

По небесам – полночной мглюю –
Дымы горящих городов,
Кругом враги стоят стеною –
Сейчас, сейчас мы их умоем...
А если нету их, врагов?

Но – воспалённые рассудки
Не в силах истину принять
И бой кипит, слепой и жуткий,
И шутятся кроваво шутки:
Стрелять, стрелять, ещё стрелять!

Из сердца изгоняя жалость,
На порох обменявши ум –
Россия на курок нажала.
И мы сжигаем на пожарах
Свою – и Родины – судьбу.

Под яркий цвет любого флага
Орём ненужные слова
И в голове бурлит, как брага,
Свобода выстрелить во брата
Из воронёного ствола!

Там, над дымами – небо сине,
Там не стреляют и не бьют...
Добром ли вспомнит нас Россия,
Осиля боль, и смерть осия?
Какие песни нам споют?

...В руке сминаю папиросу
И досылаю в ствол патрон...
Ответов нет. Одни вопросы.
Ответьте мне, великороссы!
Потом? Потом... Когда – потом?!

1991

* * *

Пролетала вьюга над белым полем,
Заметала вьюга следы мои снегом,
И шли мы по полю, и было нас двое:
Вьюга – да я. И не видно неба...

Выл на сотню глоток омут белёсый,
Будто вся нечистая сила ожила,
Одинок во поле стояла берёза
И вокруг неё меня вьюга кружила.

С этого круга никак не сойти мне,
Куда ни пойду – прихожу обратно...
Посадили в клетку меня, посадили
Чтобы было в поле гулять неповадно.

Так я и метался, пока не стемнело,
А когда стемнело и вьюга угасла –
Оказалось поле вовсе не белым,
И не полем вовсе, а – площадью Красной...

...Я домой вернулся, отогрелся малость,
Да двойной перцовой принял с мороза...
Что-то с памятью моей... Видно, сломалась.
Так я и не вспомнил, где ж там берёза.

1991

* * *

Солнышко,
  счастье моё ясное!
Не покидай меня,
  ну,
  хоть мысленно...
Хочешь –
  кромсай сердце мне
  ястребом,
Хочешь –
  поставь точку во мне
  выстрелом.

Хочешь –
согни подковой меня.
К удаче.
Я талисманом стану твоим
верным...
Будь палачом моим,
смехом моим,
плачем –
Я воскресением буду твоим
вербным!

1992

* * *

С востока дунул свинцовый ветер,
Исчезло солнце в багровой мути –
Ты снова, парень, на шаг от смерти,
Тобой дорога как хочет крутит.
Твой путь – во мраке, твой меч – сломался,
Зовёт трясины обманным светом...
Куда идёшь ты? Зачем сорвался?
В какого бога ты веришь слепо?
Ощерив пасти, взметнулись горы,
И нет надежды на помощь свыше –
Ты одинокий идёшь и гордый
И песню смерти за ветром слышишь.
Ты гибель примешь не на миру ведь,
Никто поход твой воспеть не сможет.
Ты видишь: ветер в горах пирует
И кости прошлых безумцев гложет.
Твой шанс последний, бесследно малый –
Не оступиться, не возвращаться...
Иди, мой витязь, больной, усталый.
Жаль, до тебя мне не докричаться.

1992

* * *

Это очень смешно,
   Наверное,
Когда огромное
   корчится тело,
Когда всё тело –
   сплошные нервы,
И слово – больно,
   не то что – дело.
Когда глаза,
   обугленные,
   страшные,
Смотрят на тебя
   из привычного зеркала,
А память бодрствует,
   как вечная стража,
И надежда
   почти совсем
   померкла...
Конечно, смешно,
   когда весь свет
Сошёлся на одном человеке
   клином,
А я за ночь старею
   на тысячу лет,
Как планета,
   на которой меняется
   климат.
Куда бежать,
   тем более – от себя?
Некуда!
   Никуда я
   от тебя
   не денусь...
Я – земля,
   которую
   народ населял,

А в итоге остался
исключительно
демос.
Смешно!
И ты
смех приготовить,
Посмейся
надо мною
вволю...
Но это и есть она –
любовь.
Счастье,
смешанное пополам
с болью!

1992

* * *

Был Бог стар
и седобород,
В его глазах
стояла осень.
Шёл дождь,
и шёл к Богу
народ
И шептал:
«Просим!
Покажись,
великий Боже,
Воздай каждому
по заслугам!
Видишь, люди –
кости и кожа,
Слышишь?
Что ни слово –
ругань!
Вера кончилась
на распятии,

Палач – и тот
                                уронил слезу...
Христос говорил,
                                все люди – братия,
А ты
                        не замечаешь,
                                что делается
  внизу?
Храмы вернули...
                                Кому?
  Торгующим?!
Милосердие проявили –
                                к ворам!
...А мы ведь застали
                                ту
  весну ещё,
Мы слышали голос:
                                «Вставайте!
  Пора!!!»
И мы – поднялись,
                                и мы – поверили...
А вот теперь –
                                стоим пред тобой.
Те песни,
                                которые тогда
  пели мы –
Превратились в вой!
Может быть,
                                он уху твоему
  сладок,
Может быть,
                                так
  ты жизнь и задумывал,
Но в наших сердцах
                                нет
  лада,

В наших руках –
   винтовок тулово.
Ещё есть время
   остановить смерть!
Хотя бы –
   на последней ступени
   эшафота.
Для этого не надо
   много
   уметь –
Слово сказать!
   Слово...
   Всего-то...»
Но молчал
   седой
   усталый Бог.
Слов – не было.
А может –
   слуха.
Над потухшей лампадой
   истаял дымок...
Слёзы высохли.
Было сухо.

1992

* * *

День сер.
Небо – мразь.
Звук смел.
Слово –
   власть!
Тьма зла –
Зря!
Глаза
Зрят:

Лес жёлт,
Рыж лис,
Осень жжёт
Палый лист.
Сон мелок.
Не до сна!
Дупло
    для белок.
Ствол.
Сосна...
Фитиль прикручен –
Тлеет еле.
Я приручен.
Не во сне ли?
Сон – явь.
Вечен почти.
Это – я.
Возьми.
Прочти!
Лампа напротив.
За окном –
    сад.
Привычно,
    вроде...
Рассвет.
Слеза...
Сон вышел.
Я – нет.
Взлетаю выше
На волне.
Крыла взметнул
Среди светил,
Тебя одну
Зову:
Лети!

1992

* * *

Закрывает глаза город белых ночей,
В небо выбросив руки разъятых мостов –
Я сбегая к тебе, я сегодня – ручей,
Я впадаю в Неву, в этот чёрный простор.
Мою душу вспорол Петропавловский шпиль,
Что теперь мне – Сион, что теперь мне – Тибет...
Ты прими меня, Питер, и дай мне дожди,
Я зализывать раны приехал к тебе!
Я нашёл в себе силы уйти от погонь –
Этим небом свинцовым бинтую себя...
...Отзывается пушка команде «огонь»,
В отсыревшие трубы горнисты сипят –
Просыпается город, и я – ухожу
Неприметною тенью, волной на Неве.
Я живу по лучу, я иду по ножу,
Если скажут, что я отступился – не верь!
Расцарапали небо твои флюгера,
В небе синь проступила – вот-вот расцветёт –
Я сто раз уходил, я сто раз умирал –
Я вернусь к тебе, Питер, поэт и бретёр!
Я вернусь! Даже мёртвый я встану на зов!
Я, исчадие войн, я, приёмьш зари,
Я со дна подымусь, из балтийских низов...
Будет худо тебе – ты меня позови!

1992

* * *

Ночь.
Фонарь спрятался за угол.
Грязь.
Горбатый тощий проулок.
Память ведёт, как ребёнка,
за руку,
И нет страшнее
таких прогулок.

Душа наизнанку
дырявым карманом,
Сердце
зубом больным
заходится...
Жить – мало!
Иду к Богородице.
Лицо –
твоё! –
за окладом теплится,
Глаза –
сквозь тьму веков –
твои!
Смотрю – не верю:
неправда, нелепица.
Молю:
печали мои утоли!
Пошли покой
мятежной мысли,
Боль утишь
рукою ласковой,
Чтоб за спиною
крылья
выросли,
Чтобы темень
расцветилась красками.
Ты
одна
можешь это,
Тебе одной
ключи от меня!
...Небо проснулось
полоской света,
Слово –
и ночь начала линять...
Ночь.
Проулок.
Грязь непролазная.

В крови –
    фанфары радость трубят.
Рассвет
    хочу обнять –
                                и праздновать:
Жизнь.
Любовь.
Тебя!

1992

* * *

Церквушка. Выбеленный свод,
Иконы – точно из пожара,
И скорбь всего земного шара,
И смутный шелест талых вод...
Речитатив пустых молитв,
В углу – огарки тёмных свечек,
И слово, что почти что лечит
И, тем не менее, болит,
И непроглядный полусвет
Из высоко взлетевших окон,
И сотканный из дыма кокон,
Где крыльев не было – и нет.

1996

* * *

Ручеёк бежит по камушкам,
Да подпрыгивает весело...
Расплескала масло Аннушка –
Вот и спета чья-то песенка.
Глянь – и головы покатаются,
Дунь – и свечечка погасится...
Ни заплакать, ни покаяться –
Навалилась тяжесть на сердце.

Накатила тьма чернильная
От Царицыно до Тушино.
Это яблочко червивое
Неспроста тобой надкушено.
С червоточиной – да к разуму,
Что горчит – на память вечную,
А Москва тихонько празднует
Нашу станцию конечную...

А Москва – вино по стопочкам,
А на закусь – то же яблочко,
А Москва печаль – по соточке,
Да на вынос в белых тапочках.
Далеко ли до околицы,
А за ней – оградка частая...
А Москва никак не колетя,
Кто в процессии участвует.

...Лето вымокло до ниточки,
Дождик серый к крышам ластится.
Тишина оградку выточит,
И на всех достанет маслица...

Ручеёк бежит по камушкам,
Да подпрыгивает весело...

2000-2001

* * *

Поставил зеркало на стол,
Сел перед ним глаза в глаза:
Там, в Зазеркалье, был простор,
Там надвигалась в мир гроза.
Стекло не отражало дня,
Но надо мной вершило суд,
И открывало для меня
За полосую – полосу:

Крыла взметнулись – не мои,
Стекло черно, и тёмн лик,
И бьётся сердце на мели,
И враг огромен и велик...
И снова в зеркало вхожу,
И снова сходятся во мне
Луч солнечный и мрака жуть,
И вечно быть большой войне.
Мне снова выбирать себя
И не искать кривых путей,
И знать, что в зеркале не спят
И тень наводят на плетень...
Вот лес, в который – не войти,
Вот дом – а он давно истлел,
И встанет призрак впереди,
Чтоб провести меня к петле...
...Я, душу из клочков собрав,
Обрушил в зеркало кулак –
И время кончилось забав.
Меня ждал Я.

Мой главный враг.

09.10.92 – 02.05.01

* * *

Место на распятии всё ещё вакантно,
То ли ждёт художника, то ли – музыканта,
Вознесись, попробуй-ка: врыто без затей
Дерево дубовое на лобной высоте.

Врыто основательно, а не для блезиру:
Подходи, сознательный, залезай, позируй!
Вид, конечно, матерный – аж на небеса...
А на перекладину ты заберёшься сам?

Если что – подручные поднесут с почётом,
Их таких, обученных, нонеча до чёрта:
Чтоб самим не пробовать – лучше подсадить...
И на кой хвороба нам? Страдает пусть один.

Ах, венцы да тернии, наверху – табличка...
Хочешь – так потерпишь, это – дело личное,
Повисишь денёчек – и пора слезать:
Видишь – вьётся очередь, течёт, течёт слеза?

Плачут не висевшие, что не знамениты,
Плачут вивисекторы, рыбаки, пииты:
Все одеты в ветоши, каждый всех главней...
Эй, который следующий?
А ну, шагай ко мне!

А место на распятии
всё ещё вакантно...

03.05.01

БАЛЛАДА О ТЕЛЕФОНЕ, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ЗВОНИЛ

Он был чёрен как ночь, и так же тих,
Он был создан, чтобы сблизжать голоса,
Он был должен играть простой мотив,
Но – по зову сердца, а не по часам.

Он готов был звонить, он готов был звать,
Он готов был помочь тому, кто с ним –
Ведь для телефона нет большего зла,
Чем спать, и видеть немые сны...

Чтобы всё понять, чтобы всё простить,
Чтоб о встрече условиться в январе...
Он мечтал о возможности всех спасти,
Он готов был гореть – он почти горел...

Только что-то никак не срасталось вокруг,
А он ждал и ждал, считая дни,
Электросигнала, касания рук –
Чтобы начать разговор о любви...

Но никто не звонил, и безмолвный ток
Копился на конденсаторе зря.
А сам себе вызов он слать не мог...
«Ничего, – думал он, – ещё позвонят!»

«Ничего, – думал он, – секунда тонка,
Завтра будет день, для которого жил», –
И тянулся навстречу грядущим звонкам
Изо всех своих электрических жил...

Но дремота годами на медь легла,
Провода побелели сильнее волос,
И когда вдруг в контакты ударил сигнал –
Телефонное сердце разорвалось!

Вот и вся история, без вранья:
Он сгорел на посту, и – видит Бог –
Я сидел у тела и пил коньяк
За него,

так ждавшего

ЭТОТ ЗВОНОК...

23-24 мая 2001

* * *

Там, где небо было похуже –
Ночь прохудилась. Вышли лужи.
Меж эпитетов и междометий
Бреду домой. Ничего не светит.
Ляпаюсь в лужу. Другая – следом...
Когда это было? Вроде бы – в среду.
Она сбежала: «Тебе так лучше?»
Вскрывает сердце консервный лучик.
Иду по лужам, не замечая.
Стакан бы яда. Хотя бы – чая...

17.06.01

* * *

Вот так и пишутся стихи:
Когда любовь исходит дрожью,
И тот, кто был всего дороже,
Вдруг притворяется глухим...
Вот так и пишутся стихи:
От слова к слову – перебежкой,
Поднялся в рост – теперь не мешкай,
Тебя подгонят матюки.
Вот так и пишутся стихи:
Душа бледна, чернила – с кровью,
И градом пробивает кровлю
Под завывание стихий.
Вот так и пишутся стихи:
Петля на шее, нож на вене,
Под хохот новых поколений,
Когда во мраке – по колени,
И – не проснулись петухи...
Вот так
и пишутся
стихи...

30.07.01

* * *

Покаемся! Когда настанет час –
Нас за Можай загонит ангел строгий,
И нам припомнит все слова и строки,
И рубанёт устало – от плеча –

Про наше неуёмное питьё,
Про песни с четверга по понедельник...
Ну а потом стрельнёт немного денег,
Чтоб размочить сухое бытие.

И нам расскажет – как бы невзначай –
Как он в своём безалкогольном рае
От жажды непрерывно помирает...
И что-нибудь про Главного Врача.

Потом возьмёт гитару, станет петь,
Чтоб лучше петь – ещё нальёт по тонкой,
И мы, его далёкие потомки,
Услышим в деле ангельскую медь!

Потом он притулится на бревне
У нашего костра за тем Можаем,
И спросит, как его мы уважаем,
И кто здесь так старательно ревел.

А мы в ответ тихонечко споём,
И разольём ещё чуть-чуть по кружкам,
И выйдет неплохая заварушка,
В которой каждый обретёт своё.

Ну, вот и всё: рюкзак раскрыт до дна,
Последняя тушёнка ждёт на вилке,
В Н.З. ещё остались две бутылки –
И с ангелом судьба у нас одна!

Он улыбнётся, и, не горячась,
– Ребята! – скажет. – Времени навалом!
...Давно уж воскресенье миновало.
Покаемся – когда настанет час.

02-03 сентября 2001

* * *

Весна наступит, весна нагрет
Когда мы будем уже на грани –
И шалым ветром вопьётся в губы,
И снова нежность снега погубит.

Зима сольётся по водостокам
Весёлой влагой, слезой жестокой,
И пьяный ландыш под майским небом
Приветит дождик кивком нелепым...

А в небе – радуга на полжизни:
Края нечётки, слегка пушисты...
Я, каплей тёплой дробясь о камень,
В твои ладони паду стихами!

14.06.02

* * *

Надо мною кружит то ли тёмная ночь,
                                    то ли ангел в ночном камуфляже,
И ему свысока непонятно,
                                    зачем я опять не бегу,
Он-то знает, что мы все там будем,
                                    а здесь – все мы ляжем,
Кто на этом, а кто – на каком-то
                                    другом берегу.

И, наверное, есть много выходов,
                                    много дорог для спасения бегством,
И надёжный причал ожидает
                                    в любой стороне...
Ангел плачет: бросай своё злое,
                                    лихое наследство,
Что ты хочешь найти
                                    в этой проклятой Богом стране?

Чтоб не видеть полей, на которых
                                    посев за посевом – кресты да воронки,
Чтобы, глядя на воду, не думать,
                                    что там, в глубине –
Я уехал бы в рай, где за семьдесят лет
                                    ни одной похоронки,
Но разобраны рельсы,
                                    и пропит последний билет.

Ветер гонит взащей хоровод
                                    чёрных снов от Невы до Амуре,

И, куражась, пускает по кругу
сопливую хмарь...
Где-то пуля умна – может быть,
а у нас пуля – дура,
Где-то радостный май,
а у нас всё январь да январь.

Но куда мне девать и печаль,
и любовь к заполошному, лютному краю?
Как забыть это небо,
что слёзы по мне не прольет?
Я уехал бы в рай,
только родину не выбирают,
Только родина там,
где возможен последний полет.
Я уехал бы в рай,
только родину не выбирают,
Только родина там....

11.11.02

* * *

Мы построим дом на заре,
Тёмный лес начнём корчевать,
Да откроем мы лазарет,
Будем души мы врачевать.

Мы колодец выроем здесь,
На горе взрастим светлый лес –
На горе цветёт эдельвейс,
Под горой живёт добрый бес.

Мы глубокий сыщем овраг,
Черноту туда унесём,
Ну, а коль что будет не так –
Лес поможет нам, бес спасёт.

Нам всю жизнь с тобой не стареть,
Нам всю жизнь с тобой кочевать,
Мы построим дом на заре –
Будем души мы врачевать.

1989

* * *

Плотно движется потный строй
Над собою воздевает хоругвь,
Мы голодной идём страной,
Все орут – ну, и я ору!

Ах, свободной души полёт!
Мы от Маркса бежим к Христу.
Нынче только враг не орёт,
Ну а нас – слышать за версту.

Миллионный молится хор,
Провисает на шеях крест,
Всем неверующим – приговор,
Бог не выдаст – так церковь съест!

Размахнулся кадилом поп,
Дружно стадо пошло в загон,
Остается собой холоп,
Даже если сменить закон.

Золочёные купола,
Христа ради, подай на храм!
Кабала, опять кабала!
Видно, в рабстве привычней нам!

01.10.91

* * *

Не так уж много на свете дела,
Не так уж много на свете счастья...

Кричу душе я: что захотела!
Давай-ка к этому не возвращайся.
Не возвращайся к любви, не надо,
Себя погубишь, к тому ж – напрасно.
Да будь такая любовь неладна!
...А всё ж прекрасна она, прекрасна...
Ну, сколько лет в ожидании чуда
Придется жить и стонать от боли...
Душа ответила: «Ждать я – буду.
А ты – как хочешь. И – чёрт с тобою!»

12.07.92

* * *

Мне ничего не надо, ничего!
В твои б колени головой склониться...
Да невозможно се, исключено:
Меж нами расстоянья и границы.
Меж нами – ночь. И в тишине ночной
Лежит пустая серая дорога...
Мне – ничего не надо. Боже мой!..
Как много надо мне! Как много...

12.07.92

* * *

*Вы читали книгу Клиффорда Саймака
«Заповедник гоблинов»? Есть обычай...*

Уходить насовсем – легко,
Много легче, чем люди знают!
Полночь. Звёзды. Ветер лихой...
Смерть – совсем не такая злая...
Кто-нибудь!
Посиди со мной...

28.07.92

* * *

Вывернулось время – каково теперь
Веровать – не веря, не для жизни жить?
Если это люди – я сегодня зверь!
Если это – русские – я сегодня жид!
Выдавилась память гноем из чирья,
Выжать бы до крови – боль не по нутру?
Если это трезвые – я сегодня пьян,
Если это смелые – я сегодня трус.
Небеса – весёлые – затагнули в креп.
Хватит человечины – нарубили впрок.
Если это – зрячие – я сегодня слеп!
Если это – воля – лучше мне в острог.

23.01.93

* * *

По старым улочкам арбатским
Давай пройдемся, друг мой старый,
Где полусвет и полутени,
И дремлют старые строенья.

По старым улочкам арбатским
Не торопясь пойдём с тобою,
И станет нам светло от грусти,
Открытой первою любовью.

По старым улочкам арбатским
Плетется ветер вслед осенний
И гонит листья прежних встреч –
Обрывки наших сновидений.

По старым улочкам арбатским
Идёт мелодия, шепча, –
В шагах прохожих, разговоре
И тихом шелесте дождя.

На старых улочках арбатских
Пушок взлетает тополиный,
И мы идём, в Арбат вступая,
Как бы в живую воду жизни.

На старых улочках арбатских
Живут предания под крышей.
Здесь исцеляет воздух сладкий,
Москвой наполненный старинной.

На старых улочках арбатских,
Где сединой дома покрыты,
Остановилось время. Слышишь?
Кругом история разлита.

По старым улочкам арбатским
Пройдите тихими шагами,
И вам откроется вдруг чудо:
Душа России перед вами.

1986

* * *

Мне бы вырваться из Москвы –
Может, было бы всё иначе.
То на «ты» я с ней, то на «вы»...
Знать бы мне, кто кого дурачит!
Вот он, мутный, гнилой поток,
Называемый здесь рекою...
Это с города сто потов
Пробегают под мостовую,
Выливается под мосты,
В ванну набережных булыжных,
И любитесь монастырь
Отражением в струях рыжих.

1996

* * *

Ветер носит над зимой память,
Ничего нельзя с собой сделать,
Можно только лишь к тебе падать,
Ощущая шесть лучей тела...

Ах, мохнатая звезда кружит,
Неизменно становясь новой,
Растворяясь там, внизу, в луже,
Притворяясь по пути словом...

Кто сказал, что это Бог – автор?
Приклоняю я к зиме ухо
И распнёт меня мороз завтра,
И паду к тебе в ладонь пухом.

И растаю на твоей коже,
И останусь для тебя мигом,
И придёт опять весна, Боже!
И, конечно, ты пройдёшь мимо.

08.03.05

Р У Б А И

Есть известное правило – знает любой:
До конца лишь надежда остаётся с тобой.
На себе я испытывал правило это,
И узнал, что последней умирает – любовь.

Нас так долго учили сидеть взаперти,
Что теперь мы не знаем, куда нам идти,
Мы боимся дорог, от тюрьмы уводящих,
Мы не ведаем, что обнаружим в пути...

Ты про жизни иные твердил, горячась,
Только я себя чувствую – здесь и сейчас.

Что ж до тех, кем я стану в рождениях новых –
У них будет своя голова на плечах!

Я глаза твои видел на небе ночном,
Твои руки меня обнимали ручьём,
Камышом твои губы шептали мне слово:
– Возвращения нет, мы по новой начнём!

Вот и птицы запели. Рассвет, погоди!
Я ещё не изладил последней ладьи,
А пешком как дойду в молчаливое нечто?..
И рассвет мне ответил: а ты – не ходи!

Вот бессонная ночь – и уже не впервой,
Вот заветная папка с чернильной листвою,
В этой папке я весь, и другим я – не стану.
Открывай и смотри: этот мир будет твой!

ИЗ ЧЕРНОВЫХ ТЕТРАДЕЙ

* * *

Всё никак не сходятся ни судьба, ни строчка,
Строчка не рифмуется – значит, не судьба.

* * *

А в городе снова осень.
Всё от дождей распухает...
Бессонница нас уносит
Дымить табаком на кухню.
И стрелки часов давно
Перешагнули полночь...
Что? Телефон? Звонок?!
Трамвай за окном...

Сволочь!

10.11.91

* * *

...А Москва без тебя – пустая
И какая-то не моя.
Стылый ветер в ночи листает
Свет озябшего фонаря.

* * *

Раскрашенная старанием
Художников крепостных,
Кричала Москва:
«Стара не я,
Мне жить ещё до весны,
Блажить же и куролесить мне,
По жиже бежать – босой,
И, как снега в феврале, синеть,
И пить по утрам рассол».

Трясущаяся от ужаса,
Забитая в конуру,
Шептала Москва простуженно:
«Я, может быть, не умру...»
Кроили Москву бульдозером,
Кормили взрывчаткой всласть,
И харя в кепке гундосила:
«Теперича наша власть!»
И дело какое наше-то,
Что плачет топлёный снег
О прежней, не приукрашенной,
Привидевшейся во сне...

* * *

А он маленьким был,
Но опять выросал
От стаккато до фуги,
От звезды до креста.

И на третьей странице
Последней главы
Показалось – ему
Не сносить головы.

Только что – голова,
Если тень на виске,
И сжимает нас музыка
В тесной тоске.

Я случайно узнал –
Он недавно воскрес...

* * *

А на вечер заря – на полнеба огонь,
Словно вечная память коротких минут,
Отражается былью меж битых окон
На поминках своих – там и нас помянут.

А когда догорает ночная тоска –
Иногда мы себя в небесах узнаём,
И пытаемся душу надеждой ласкать,
И хотим заглянуть за оконный проём.

Только в окнах распятых не видно ни зги,
Сквозь предутренний мрак проступает февраль –
И накатанной трассы внезапный изгиб,
И чернильный ручей, не нашедший пера.

* * *

Мне приходится жить, невзирая на боль,
Чтобы снова суметь быть любимым тобой,
Чтобы снова слова прорастали стихами –
Каждый день выхожу я с собою на бой!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т. Виноградова. «Россия нас всех повязала»</i>	3
«Снег сегодня зачем-то чёрный...».....	6
Кораблик.....	7
Баллада о штыке.....	8
«Я не прятал лица и не рвал на груди я рубах...».....	8
«Гони коней!..».....	9
«По каменным плитам – шаги...»	10
«Я долго шёл по слепающим следам века...»	11
«Я улыбку твою трогаю...».....	11
«Я сегодня не пью...»	12
«И когда стало ясно...»	13
«Из бездонных зеркал...».....	14
Баллада о российской смуте.....	15
«Пролетала вьюга над белым полем...»	16
«Солнышко, счастье моё ясное!..»	17
«С востока дунул свинцовый ветер...»	18
«Это очень смешно, наверное...»	19
«Был Бог стар и седобород...»	20
«День сер...».....	22
«Закрывает глаза город белых ночей...».....	24
«Ночь. Фонарь спрятался за угол...».....	24
«Церквушка. Выбеленный свод...».....	26
«Ручеёк бежит по камушкам...».....	26
«Поставил зеркало на стол...».....	27
«Место на распятии всё ещё вакантно...»	28
Баллада о телефоне, который никогда не звонил	29
«Там, где небо было похуже...»	30
«Вот так и пишутся стихи...»	31
«Покаемся! Когда настанет час...».....	31
«Весна наступит, весна нагрет...»	32
«Надо мною кружит то ли тёмная ночь...»	33
«Мы построим дом на заре...»	34
«Плотно движется потный строй...».....	35
«Не так уж много на свете дела...».....	35
«Мне ничего не надо, ничего...»	36
«Уходить насовсем – легко...».....	36
«Вывернулось время – какво теперь...».....	37
«По старым улочкам арбатским...»	37
«Мне бы вырваться из Москвы...»	38
«Ветер носит над зимой память...»	39
Р у б а и	39
Из черновых тетрадей	40

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха "СЛОВЕСНОСТЬ"

**Валентин Валентинович Соломатов
ПО СЛЕПЯЩИМ СЛЕДАМ ВЕКА**

Стихотворения и песни

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Составители:

Марина Кива, координатор секции авторов песен СЛ РФ,
Татьяна Виноградова, координатор секции поэзии СЛ РФ

Редактор — Евгений Степанов
Выпускающий редактор — Татьяна Виноградова
Художественный редактор — Яна Александриди
Корректор — Татьяна Смирнова
Компьютерная верстка — Марина Кива

Заказное издание

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 08.12.2013
Подписано в печать 20.12.2013

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75